
Лоре Лея
ДИАГНОЗ:
на край света за снами
18+

Лоре Лея

Диагноз: на край света за снами

«Автор»
2026

Лея Л.

Диагноз: на край света за снами / Л. Лея — «Автор», 2026

Их игра началась задолго до встречи в ночном парке.Ноябрь 2024 года. Гениальную художницу Хлою объявляют сумасшедшей, заперев в стерильном боксе клиники строгого режима за осквернение шедевров Национальной галереи. Чопорный, душный Лондон уверен, что сломал её.«Я сбежала. Без денег и документов, с одним лишь обломанным угольным карандашом и старой записной книжкой в кармане. Я бежала далеко. Выживала на пыльных чердаках Нанта и месяцами по крупицам собирала в архивах правду о нём. Потому что мужчина с ледяным взглядом из снов реален. И я готова заплатить любую цену, чтобы встретить его».Бесплатный приквел-новелла к роману «Игра в безумие. Последняя капля крови для шедевра».

© Лея Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Манифест правды на Трафальгарской площади 5
Глава 2. Побег через Ла-Манш 9
Глава 3. Архивы Нанта 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Лоре Лея
Диагноз: на край света за снами

Глава 1. Манифест правды на Трафальгарской площади

Зал заседаний Королевской академии художеств дышал чопорным, пересушенным удушьем. Ноябрь 2024 года. За окнами исходил ледяным дождём холодный, серый вечер, но здесь, за закрытыми дверями, воздух был густым, перегретым скрытыми под потолком кондиционерами и намертво пропитанным запахом дорогого льняного масла, едкого даммарного лака и слежавшейся пыли. Этот запах, казалось, въелся в одежду и сами стены.

Хлоя стояла в центре зала, чувствуя, как тяжелая подошва массивных ботинок постепенно сдается перед мертвенным, вытягивающим тепло холодом векового мрамора. Перед ней, на громоздком старинном мольберте из мореного дуба, исходившем ароматом сырости, стояла её новая работа.

Справа, вдоль старинных стен, ровным, безликим строем тянулись холсты других студентов. От них веяло стерильной, тошнотворной чистотой. Ровные, вылизанные мазки, выверенные по академическим канонам пропорции, безупречно гладкие, словно куски рафинада, античные статуи. Мёртвое, кастрированное искусство. Хлоя почти физически ощущала этот запах пустоты, исходивший от их работ. Запах склепа, замаскированного под классицизм.

Но её холст буквально кричал в этой гробовой тишине. Она писала ту же натурщицу у каменной колонны. Но пока другие выводили идеальный изгиб белоснежного плеча, Хлоя препарировала плоть кистью. В её мазках жила дикая, необузданная пульсация. Плотные, пастозные слои глубокого кармина и багрового краплака казались свежей, ещё не свернувшейся кровью, запекшейся на холсте. В карих глазах нарисованной женщины читалась не античная покорность, а первобытная, тёмная похоть, смешанная с липким ужасом загнанного зверя. Картина пахла иначе — резким, животным теплом, металлом и живым потом.

— Это пугает, мисс, — голос ректора, сухой и скрипучий, словно треск ломающегося угля, разрезал тишину. Он поправил дужку дорогих очков и брезгливо указал кончиком ручки на край подрамника, будто боялся испачкать холеные пальцы. — Здесь нет эстетики. Здесь нет чистоты линий, актуальной для нашего века. Только безумие, анатомическая грязь и… порок. Вы оскверняете стены академии… этим.

За спиной Хлои мгновенно пополз ядовитый, шуршащий шепоток. Сокурсники, жадно ловящие каждое слово комиссии, тихонько доставали смартфоны, фиксируя её позор на камеры. «Ошибка приёмной комиссии», — долетел до уха чей-то скользкий смешок. Профессора один за другим демонстративно вносили низкие баллы в планшеты. Ей прямо грозили отчислением.

Хлоя слушала это, не двигаясь с места. Кончики её пальцев, до сих пор испачканные серой угольной пылью, слегка зудели. На её губах медленно расцвела леденящая, циничная улыбка, обнажая ровные зубы. Взгляд её карих глаз скользнул по напыщенным лицам профессоров.

«Вы хотите мёртвого искусства? — подумала она, и внутри неё сладко заворочался просыпающийся монстр. — Я покажу вам, как оно выглядит на самом деле. Вы захлебнетесь своей безупречной мертвечиной».

Лондонская осенняя ночь задыхалась от тумана — плотного, влажного, пахнущего речной сыростью и остывающим камнем. Хлоя скользила сквозь это марево, словно бесплотная тень. Её расчёт был безупречен: она неделями изучала графики обхода сонных смотрителей и слепые зоны камер Национальной галереи. Секунда, едва заметный щелчок взломанного замка на служебном входе — и массивная дверь впустила её внутрь с тихим вздохом.

Внутри царил священный хаос полумрака. Огромные залы, подсвеченные лишь тусклыми аварийными лампами, тонули в синих тенях. Со стен на неё смотрели великие шедевры: Рафаэль, Уильям Бугро, Никола Пуссен. Вековые полотна пахли старым холстом, благородным лаком и столетней неподвижностью. Они были идеальными. Правильными. И мертвыми. Для Хлои эта галерея была лишь роскошным, пугающе молчаливым склепом, где искусство забальзамировали ради потешного вздоха толпы.

Хлоя опустилась на колени прямо в центре главного зала. Вековой мраморный пол, ледяной и гладкий, мгновенно прошил колени обжигающей стужей сквозь брюки. Она сорвала завязки с холщового мешка и высыпала на пол золу — пепел её собственных сожжённых академических набросков. Смерть её прошлого, обращенная в материал. Горький, сухой запах гари мгновенно забил рецепторы. Достав из кармана пальто бутылку терпкого красного вина, она сорвала пробку зубами. Разнёсся вяжущий, сладковатый аромат перезрелого винограда и дубовой бочки.

Она шагнула прямо к бесценным полотнам. Хлоя хватала куски прессованного угля и с диким, царапающим звуком вгрызалась прямо в лица безупречных мадонн, монархов и античных богов на картинах. Уголь крошился под её пальцами, чёрная пыль летела на рамы. Поверх шедевров Возрождения Хлоя с яростью высекала свои пророческие ночные сны. Рваные, острые, как иглы, шпили готического замка, бездонные бойницы окон и леденящие, гипнотизирующие глаза, которые звали её из темноты.

Она делала глоток вина, а затем с силой выплескивала остатки прямо на изуродованные углём холсты. Багровая жидкость текла по масляной краске, пачкая золото рам, собираясь в тёмные, рубиновые капли на кракелюре старых мастеров. Хлоя с силой втирала вино и пепел голыми ладонями в картины, размазывая грязь, оставляя хаотичные, рваные следы своих испачканных пальцев прямо на лицах идеализированных пастухов и дев. Это было высокохудожественное убийство прошлого. Полная капитуляция стерильного классицизма перед её безумной, пульсирующей страстью.

Её нашли только на рассвете.

Первый холодный луч ноябрьского солнца пробил стеклянный купол галереи, ослепительно подсветив масштаб катастрофы. Хлоя сидела на полу, обессиленная, прислонившись спиной к подножию растерзанного холста. Её бледное лицо было испачкано серой золой, рыжие пряди прилипли к вискам, а пальцы по локоть покрывали подсохшие багрово-черные разводы угля и вина. А вокруг неё со стен кричал тотальный, монументальный разрыв шаблонов — осквернённые, перечёркнутые её чёрными замками шедевры, с которых всё ещё капало тёмное вино.

Чопорный, душный воздух зала Королевского суда был пропитан запахом старых архивных папок, дезинфектора и едкого пота сотен зевак. Весь арт-мир Лондона набился на трибуны, словно стервятники на свежую падаль, желая поглазеть на «сумасшедшую художницу», которую здесь никто не собирался защищать. Представители министерства культуры и администрация галереи — как раздавленная, оскорбленная в своих лучших чувствах потерпевшая сторона — сидели во главе зала в глухих темных костюмах, пока репортеры криминальной хроники беспрерывно шуршали блокнотами и экранами смартфонов.

Над залом молча возвышался судья. В своей глухой, монументальной черной мантии с темно-красной полосой на плече и традиционном напудренном парике он казался неподвижной восковой куклой, застывшей за массивным столом. Текст официального обвине-

ния зачитывал секретарь суда. Его голос, монотонный и монохромный, шуршал по залу, как высохший осенний лист по асфальту: неправомерное проникновение с отягчающими обстоятельствами, грубое нарушение общественного порядка и умышленное повреждение имущества в соответствии с Законом 1971 года — а именно ценнейшего полотна, принадлежащего Попечительскому совету Национальной галереи. Справа на скамьях присяжных замерли двенадцать человек — двенадцать чужих, притихших лондонцев, от чьего вердикта теперь зависело всё. Секретарь бесстрастно чеканил сухие слова, пока в душной тишине зала зловеще повис финальный вопрос: «Признаете ли вы себя виновной?».

Хлоя стояла за стеклянным защитным барьером скамьи подсудимых. Она не прятала лица от уставившихся на неё сотен глаз. Напротив, расправила плечи, мягко развела их назад и чуть приподняла подбородок. В её позе не было ни капли раскаяния. Её карие глаза лениво, с откровенной скукой изучали застывшего в парике судью.

Когда от неё потребовали ответа на вопрос секретаря, Хлоя проигнорировала протокол. Её голос, глухо разнесшийся из-за стеклянного ограждения, прозвучал леденящим, пугающе спокойным контрастом к шуршащему залу:

— Вы судите меня за то, что я оживила ваши мёртвые стены? — вкрадчиво, но отчётливо произнесла она, и в ложе прессы затих стук по клавиатурам. — Вы молитесь на картины прошлых веков, на этот ваш вылизанный академизм, потому что до ужаса боитесь заглянуть в собственное настоящее. Ваша Академия, ваши суды, всё ваше цифровое, благопристойное общество — это просто склеп. Склеп, заполненный картонными мертвецами в дорогих костюмах, которые боятся сделать один лишний, живой вдох. Я дала этим полотнам жизнь, я принесла в ваше монохромное болото огонь и боль, но вы предпочитаете не смотреть правде в лицо. Вы не замечаете её, идеализируя всё вокруг и окутывая себя слепой пеленой. Разуйте наконец глаза! Настоящее искусство создается в эмоциях, в чувствах — это сама жизнь, и каждое её несовершенство и есть искусство. Эти образы приходят ко мне во снах, они сняли с меня пелену забвения, и только это — настоящее. Как вы не понимаете, глупцы! Вы все слепы и глухи!

В зале повисла оглушительная тишина. Журналисты криминальной хроники замерли с занесенными над смартфонами пальцами. Это пугающее, абсолютное бесстрашие девчонки с остатками угля под ногтями пугало власть сильнее, чем сам вандализм. Судья понял: если оставить её на свободе, эта девчонка разрушит всю их идеальную, выверенную систему. Она была неуправляемым пожаром.

Судья медленно поднялся, и его глухой, леденящий голос оборвал тишину, заменяя собой так и не прозвучавший ответ присяжных. Решение было принято мгновенно. Ссылаясь на Закон о психическом здоровье, судья назначил принудительную психиатрическую экспертизу в закрытом медицинском блоке строгого режима. До особого распоряжения. Ее хладнокровно вышвырнули из рамок правосудия, отправляя в изоляцию — в место для тех, чью правду система сочла безумием.

Сзади к ней тут же шагнули конвоиры. Тяжёлые стальные наручники с резким щелчком сомкнулись на запястьях. Хлою грубо вывели из здания суда, где она сразу же оказалась под прицелом десятков камер. Вспышки слепили, смартфоны зевак на улице фиксировали её бледное лицо, пока она истерически заливалась смехом, продолжая кричать о пророческих снах и глупости людей.

Вскоре её увезли.

Её завели в глухой одиночный бокс специальной клиники. Массивная дверь с электронным замком захлопнулась с металлическим стуком, отрезая Хлою от мира. В камере воцарилась тишина, залитая холодным неоновым светом и насквозь пропитанная запахом едкой дезинфекции.

Но в этом ледяном покое она не заплакала. Хлоя медленно опустилась на жесткую кушетку, прислонилась головой к стене и тихо, хрипло рассмеялась.

Она выиграла. Система признала своё бессилие, заперев её.

Глава 2. Побег через Ла-Манш

Февраль две тысячи двадцать пятого застыл за пределами клиники ледяной коркой, но внутри одиночного бокса Хлои зима не имела запаха — её вытравила едкая, стерильная дезинфекция, глубоко въевшаяся в пастельные, приглушённо-бежевые панели стен. Эта успокаивающая палитра была призвана гасить агрессию, но у Хлои она вызывала лишь тошноту. Бокс казался обманчиво просторным, залитым блеклым дневным светом из огромного окна от пола до потолка. Но за этим стеклом не было свободы. Это был прочный монолит, который невозможно было разбить. Свежий воздух проникал в камеру тонкими, выстуженными струями через скрытые щели в рамах, защищённые стальными решётками, и Хлоя почти круглые сутки чувствовала кожей этот промозглый, февральский сквозняк.

Вся комната была триумфом извращённой заботы — шедевром антивандального дизайна, где человека лишали любой возможности коснуться реальности. Здесь не за что было зацепиться взгляду, нечего было сломать. Кровать, письменный стол и стул представляли собой единое целое — безликие обтекаемые монолиты из литого композита, намертво приваренные к полу. Ни одного острого угла. Ни одного ящика, ручки или дверцы, которые можно было бы оторвать и превратить в оружие. Даже зеркало — обычный, намертво прикрученный к стене лист отполированного до безупречного блеска металла, искажающий бледное лицо. Свет в боксе горел ровно, не оставляя теней, в которых можно было бы спрятаться.

Но система, просчитав её физическую безопасность до миллиметра, оказалась бессильна перед её разумом. Пока главврач на утренних обходах листал её историю болезни на планшете и сухо рассуждал о «прогрессирующей шизофрении с деструктивными наклонностями», Хлоя препарировала его самого. Она смотрела на него сквозь ресницы с леденящим, хирургическим спокойствием, фиксируя то, как он нервно поправляет ремешок часов, или как меняется тембр его голоса, когда он сталкивается с её невозмутимым взглядом. Для них она была лишь опасным сбоем в программе. Для неё они были предсказуемым, примитивным материалом.

Каждый щелчок электроники в этом крыле стал частью её хладнокровного алгоритма. Хлоя высчитывала, как старший санитар Томас, грузный мужчина с вечной отдышкой, в плотной форменной куртке ровно в 03:15 ночи проходит мимо её бокса в слепую зону коридора, подальше от камер. От него всегда пахло потом и пережаренным кофе из автомата. Хлоя знала назубок тяжелый, мерный шаг его массивных кроссовок по наливному полу. По этому глухому, резиновому трению она могла безошибочно определить его приближение задолго до того, как на панели двери загорался зеленый индикатор. В её голове не было паники — только чистый расчёт.

Единственным её сокровищем и скрытым оружием был крошечный, длиной с фалангу мизинца, огрызок угольного карандаша. Она утащила его во время обязательных тестов, незаметно смахнув со стола в рукав, пока лаборант отвлекся на сработавший зуммер. Хлоя прятала его во рту, под языком. Каждый раз, когда санитары заставляли её открыть рот для проверки, она ловко сдвигала его за зубы, ощущая на слизистой сухой, горьковатый вкус прессованной сажи. Уголь слегка марал язык, но этот порочный вкус близкого триумфа согревал её лучше любого отопления.

По ночам, когда гул вентиляции становился тише, Хлоя действовала. Камера бокса имела одну крошечную слепую зону прямо под изголовьем её кушетки. Сползая туда, Хлоя аккуратно отгибала плотный, прорезиненный чехол матраса. На его обратной, серой текстильной стороне, скрытой от камер наблюдения, она вела угольком. С тихим, едва слышным шуршанием из-под её пальцев рождался план: точки размещения электронных терминалов, секундные интервалы перезагрузки магнитных замков и… рваные, острые шпили готического замка. Уголь крошился, въедался под ногти черной пылью, но её внутренний компас работал безупречно. Она вслепую прописывала финал этой стерильной изоляции.

В начале мая, когда ночной воздух за панорамным армированным стеклом бокса стал по-весеннему теплым, план Хлои бесшумно пришёл в действие. Этот побег не имел ничего общего с хаотичным взрывом ярости или паникой — он напоминал неумолимое, выверенное скольжение секундной стрелки. На электронном табло под потолком тускло горели неоновые цифры: 03:14.

Хлоя медленно поднялась с монолитной кушетки. Она заставила себя сделать глубокий, размеренный вдох, искусственно замедляя пульс до пятидесяти ударов в минуту, чтобы обмануть биометрические маты под постелью. Она знала секундный график обхода наизусть.

Выждав ровно мгновение, Хлоя симулировала резкий, выламывающий судорожный приступ. Её тело упало на идеально гладкий наливной пол. Мышцы неестественно зажались, пальцы скрючились, а сама она намеренно поползла в сторону, забиваясь в тот самый узкий слепой угол у изголовья, который потолочная линза камеры не могла захватить полностью.

Автоматика бокса мгновенно считала аномалию. Инфракрасные датчики движения зафиксировали падение теплового объекта вне зоны кровати, а нейросеть клиники распознала паттерн эпилептиформного припадка. Ровно в 03:15 на внешней панели двери с сухим электронным щелчком загорелся зелёный индикатор, размыкая мощный магнитный замок.

Томас вошёл внутрь один. Он слишком привык доверять безупречности ИИ-систем контроля и даже не взглянул на экран персонального планшета. В одной руке санитар лениво держал хлипкий пластиковый стаканчик с обжигающим латте из автомата.

Когда грузная фигура санитара тяжело склонилась над кушеткой, Хлоя мгновенно прекратила дрожать. Глаза, секунду назад закатившиеся, смотрели на него с абсолютной, леденящей ясностью. Без единого лишнего движения, с точностью затаившегося хищника она рванулась вверх. Точный, короткий удар ребром ладони пришёлся прямо в сонную артерию. Томас даже не успел осознать происходящее. Кофе с глухим всплеском вылился на бледный пластик пола, а сам санитар тяжело, как мешок с мокрым песком, рухнул на кушетку с коротким, свистящим выдохом. Его зрачки мгновенно расширились, а пальцы безвольно разжались.

Через минуту Хлоя уже скользила по длинному коридору, погружённому в синеватый аварийный полумрак. Мягкие больничные тапочки остались в боксе. Теперь её ступни ощущали жесткую колодку массивных кроссовок Томаса. Огромные, сорок третьего размера, они бесшумно, с едва слышным резиновым трением липли к матовому покрытию. На плечи она накинула его плотную нейлоновую ветровку, насквозь пропитанную дешевым запахом пережаренных кофейных зёрен и горького табака.

У неё не было с собой ни документов, ни денег — умные системы в Лондоне отследили бы её по малейшему цифровому следу или сигналу за секунду. В глубоком кармане куртки лежали лишь три вещи: ламинированная пластиковая ключ-карта Томаса, украденный со стола

дежурного блокнот в плотной обложке и тот самый, сточенный почти в пыль уголёк. Тяжёлые герметичные шлюзы на выходе из закрытого крыла послушно отщёлкивались один за другим, с тихим писком распознавая чип ключ-карты. Свободный, пахнущий цветущей липой весенний воздух ударил в лицо у самого забора.

Она бежала на юг, сознательно растворяясь в серых, забитых контейнерами логистических артериях страны. Единственным слепым пятном для тотального цифрового контроля оставались ночные товарные поезда, лишённые биометрических сканеров.

Добравшись до сортировочной станции, Хлоя проскользнула мимо тепловизоров охраны и запрыгнула в глубокий металлический полувагон, шедший в порт Саутгемптона. Она сидела на корточках в самом углу, намертво прижимаясь спиной к холодному рифлёному железу. Стенки вагона были покрыты толстым, въедливым слоем маслянистой угольной гари, мазута и мелкой рыжей ржавчины. Состав со страшным металлическим скрежетом содрогался на стрелках рельсов, ледяные искры с шипением летели из-под колёс в ночную темноту, а сырой ветер хлёстко бил по щекам. С каждым километром он становился всё более тяжёлым и солёным — поезд приближался к морю.

Порт Саутгемптона встретил её священным, грохочущим хаосом ночи. Здесь воздух был настолько плотным, что его, казалось, можно было осязать: он горчил пережжённым мазутом, колол ноздри едким дизельным выхлопом сотен тяжеловозных фур и отдавал сладковато-гнилостным запахом выброшенных на отлив бурых водорослей. Земля под ногами не знала покоя. Огромные океанские сухогрузы и трёхпалубные паромы стояли у пирсов, содрогаясь от глухого, утробного рокота работающих двигателей. Эта низкочастотная вибрация передавалась через толщу бетона, поднималась по подошвам массивных кроссовок Томаса и зудом отзывалась в костях Хлои.

Риск казался запредельным. Ночь кромсали безжалостные, хирургически белые лучи светодиодных прожекторов. В их мертвенном свете, похожие на суетливых светлячков, сновали портовые рабочие в ядовито-зелёных флуоресцентных жилетах. Чуть дальше, на въездных гейтах, автоматические рамки таможенного контроля методично ощупывали каждую фуру сеткой лазерных датчиков, считывая тепловые контуры и плотность груза.

В Саутгемптоне, посреди грохота портовых кранов и ослепительного света прожекторов, Хлоя совершила самую опасную безумную ставку. Пробравшись в зону погрузки грузовых фур, идущих на океанский паром до Франции, она залезла под днище огромного рефрижератора. Зацепившись закоченевшими пальцами за металлические оси полуприцепа, она провела три часа в кромешной тьме, пока паром пересекал Ла-Манш, качаясь на черных волнах пролива. Вода шумела всего в паре метров под ней, обдавая лицо ледяной соленой пылью.

Всю дорогу металл обшивки вокруг неё дышал, скрипел и вибрировал, словно живой, а из вентиляционных раструбов сверху непрерывным, свистящим потоком тянуло пронзительным, горьким холодом открытой Атлантики. Хлоя сидела на корточках под днищем машины, намертво зажатая между ревущими механизмами, и вгрызалась пальцами в ржавую сталь.

Когда паром пришвартовался в порту Сен-Мало, Хлоя разжала руки и обессиленно скатилась на землю. Её ладони почернели от сажи, пальцы окоченели от сквозняка, но её вёл безумный внутренний компас. Этот зуд в груди не давал спать. Порт Сен-Мало во Франции встретил её плотным, осязаемым бретонским туманом. Воздух здесь был совершенно другим

— он пах йодом, мокрой солью, вековыми каменными укреплениями и сырой брусчаткой. Мгла липла к волосам и мгновенно оседала мелкими каплями на ресницах.

Укрывшись в заброшенном лодочном ангаре у самой воды, под завывание атлантического ветра, она принялась дрожащими руками вырывать из блокнота обрывки технических накладных. Методично, вслепую, она вела по ним линию угля, воссоздавая рваные контуры готических башен. Сажа въедалась под ногти, марала чужую ветровку, но картинка в её голове становилась только чётче. Она приехала к нему.

Она смешалась с толпой заспанных водителей-дальнобойщиков и бесшумно сошла на французский берег. На ней была испачканная мазутом чужая куртка, на бледном лице — рваные разводы сажи, а в руках — блокнот. У неё не было легального права находиться в этой стране, её не существовало для баз данных Евросоюза, но её карие глаза горели сумасшедшим, ликующим триумфом. Она пересекла Ла-Манш. Границы людей и электронные замки остались позади. Её безумный внутренний компас показывал, что цель уже близко — тьма её снов ждала её где-то впереди, среди этих сырых, обрывистых французских скал.

Глава 3. Архивы Нанта

Нант встретил Хлою удушливой сыростью затяжного предрассветного дождя. Этот город не пытался казаться дружелюбным — он дышал ей в лицо тяжелым запахом мокрого сланца крыш, илистой речной сыростью Луары. Хлоя не искала тепла. Она осела на самом отшибе, там, где город срастался с промышленной зоной — в старом портовом квартале.

Её убежищем стал полузаброшенный чердак под самой крышей трехэтажного жилого дома, чьи стены давно покрылись черной плесенью от постоянных туманов. Пространство здесь было зажато изломанными, скошенными скатами кровли. Чердак насквозь пропитался трухой, едким голубиным помётом и удушливым, сладковатым запахом плесневелого дерева. Перекрытия стонали от малейшего порыва ветра с реки Севр-Нантаз. Каждое утро сквозь узкие щели в потрескавшихся дубовых балках пробивался косой, блеклый и еще холодный луч солнца. В этом слабом свете, словно в заброшенном аквариуме, непрерывно кружились миллиарды серых, невесомых пылинок.

Её быт был убогим, граничащим с физическим выживанием, но разум оставался безупречным, как швейцарский хронометр. У неё не было денег на нормальную еду. Пальцы то и дело сводило судорогой от скудного, нищенского рациона — редких корок черствого багета купленного за центы на вечерней распродаже, и дешевые консервы с сомнительным содержимым. Язык сводило от плоского, отдающего ржавыми трубами вкуса пресной водопроводной воды из крана в коридоре, а затем обжигало горьким, маслянистым и самым дешёвым эспрессо из портового автомата, который Хлоя пила без сахара, чтобы заглушить постоянный голод.

Каждый цент доставался ей с боем и унижением. Хлоя быстро научилась выживать на инстинктах уличного хищника. На рассвете, пока сонные торговцы только раскладывали ящики на нантских рынках, она скользила между рядами, незаметно, одними кончиками пальцев выуживая выпавшие монеты из картонных коробок для сдачи. По вечерам, когда пустела площадь, она, не обращая внимания на ледяную воду, выгребала тусклые монеты из чаши городского фонтана, куда туристы бросали их «на счастье». Счастье нужно было ей самой.

Хлоя часами сидела на прохладной, влажной черепице, намертво вжимаясь спиной в теплую кирпичную кладку печной трубы. Оттуда, сквозь туманную, сизую ночную дымку, поднимающуюся от слияния двух рек, Нант открывался ей во всём своём суровом, индустриальном и средневековом величии.

Главным нервным узлом, невидимым магнитом этого пейзажа был Замок герцогов Бретонских. Он лежал там, на том берегу Луары, скрытый от глаз километрами портовых доков, серыми коробками складов и темной водой. Снаружи, для редких туристов, он казался глухим, непробиваемым военным монстром, порождением темных веков. Его массивные, круглые башни из грубого, почти черного гранита веками впитывали в себя атлантические дожди и угольную копоть, источая мертвенную стужу.

Но Хлоя, изучая далекий, мерцающий огнями силуэт центра города сквозь прищур воспаленных глаз, видела больше. Её аналитический разум, подпитанный картами и дневниками, легко пробивал эту километровую толщу темноты и камня. Она знала, как за грубой, шероховатой броней внешних стен замка прячется изящное, ажурное сердце готического дворца. Стоило луне осветить нантские крыши, как Хлоя явственно представляла эти шпили и балюстрады, похожие на застывшие, хрупкие каменные кружева, созданные безумным ювелиром. И этот ювелир все еще был здесь, в темноте этих стен. Он дышал с ней одним воздухом.

Вместо того чтобы затаиться, спрятаться и раствориться в безликой портовой массе у набережной Луары, Хлоя начала методично изучать историю города. Её цитаделью и убежищем на долгие дни стала библиотека Жака Деми на набережной де ла Фосс. Мрачноватое, гулкое

здание, где в читальном зале архивного отдела каждый шаг отзывался сухим эхом в пустых пролетах, а за высокими окнами шумели трамваи.

Воздух здесь был особенным, застоявшимся. Он казался почти осязаемым, словно состоял из сложного коктейля запахов: сладковатого аромата ветхой пергаментной бумаги, сухого костного клея, изъеденной временем телячьей кожи старых фолиантов и тяжелой, многолетней пыли, веками копившейся на верхних ярусах дубовых стеллажей. В этой тишине, прерываемой лишь редким кашлем пожилого смотрителя-француза и шелестом пластиковых защитных экранов, Хлоя работала как профессиональный аналитик. Она выжимала данные из каждого документа с пугающей эффективностью.

Сухими пальцами, слегка испачканными в сером графитовом пигменте, она бережно, но стремительно листала оцифрованные на старых мониторах церковные хроники, а когда экранов не хватало — заказывала оригиналы: старинные метрические книги приходов Святого Николая и пожелтевшие, хрупкие вырезки из региональных бретонских газет позапрошлого века, которые буквально крошились при малейшем резком движении.

Хлоя искала закономерности. Там, где обычный обыватель, зашоренный страхом, или ленивый комиссар из центрального участка видел лишь хаотичную, несвязную череду странных смертей, нераскрытых исчезновений молодых женщин и пугающих городских легенд, Хлоя видела чёткий выверенный почерк. Это была не цепь случайностей. Это была системная, регулярная хроника похищений.

Легенды о безжалостном, бессмертном Герцоге, чьё настоящее имя когда-то давно, в монархические времена, намеренно и тщательно стёрли из всех официальных исторических хроник Луары и Бретани, шаг за шагом обретали для неё осязаемую плоть и физический вес.

Каждое глухое, завуалированное упоминание о странном, пугающе красивом аристократе с безупречными манерами старой эпохи, который внезапно мелькал в подвалах старого квартала Буффе, в закрытых особняках у площади Грален, в ночных парках — раз в несколько лет, заставляло её сердце биться в бешеном, рваном ритме. Мужчина из её пророческих ночных снов, чьи леденящие, абсолютно пустые глаза она неделями вслепую, до кровавых мозолей на пальцах чертила на изнанке больничного матраса в лондонской клинике был настоящим.

Хлоя находила косвенные подтверждения его существования в пожелтевших рапортах нантской полиции 1920-х годов, в подпольных дневниках оккупированного немцами города 1940-х, в криминальной хронике «вестника Луары» конца девяностых. Он ходил по этим самым гранитным набережным, мимо замка Бретонских герцогов. Он дышал этим сырым, тяжелым туманом, поднимающимся от реки по утрам.

И самое удивительное, внутри Хлои не рождалось ни капли первобытного, липкого страха. Того самого животного ужаса, который заставил бы любого нормального человека бросить всё, бежать без оглядки обратно к Ла-Маншу, кричать на таможне и просить защиты у полиции или психиатров.

В её груди, полностью вытесняя ноющую боль пустого желудка и утренняя прохлада чердака, вспыхнул дикий, экстатический, почти наркотический азарт. То томящее чувство художника, который наконец-то, после долгих лет слепого поиска, нашёл идеальную, первозданную натуру для своего главного, финального шедевра. Она не собиралась спасаться. Монстра нужно было выследить. Монстра нужно было поймать. Она слишком многое прошла, чтобы сдаться.

Подготовка к охоте требовала осязаемых инструментов, и Хлоя нашла то, что искала, на самом дне города — в полуподвальной, забитой антикварным хламом лавке старьёвщика в лабиринте узких улиц за площадью Виарм, где по субботам бурлил местный блошиный рынок. Воздух в подвале был спёртым и пыльным: он состоял из запахов прогорклого оружейного масла, окислившейся старой латуни, нафталина и сырой шерсти.

Там, под слоем пыли, в запертой на хлипкий навесной замочек застекленной витрине, лежал изящный, узкий старинный кинжал. Это было подлинное, потемневшее от времени

серебро — холодный, тяжелый металл, который стоил целое состояние и никогда бы не достался беглой пациентке клиники. Но Хлое он был нужнее. Выждав момент, когда дряхлый хозяин лавки отвернулся к верхним полкам за ковром, она незаметно использовала обломок шпильки, который нашла на чердаке, где скрывалась все это время. Замок тихо поддался. Стекло скользнуло вбок без единого звука.

Когда её худые пальцы впервые тайно сжали рукоять под курткой, Хлоя физически ощутила идеальную тяжесть и безупречный, смертоносный баланс оружия. Кинжал скользнул в её рукав за секунду до того, как старьёвщик обернулся. Оружие принадлежало ей по праву судьбы.

В эту ночь законы её личной вселенной преломились, прочертив глухую, невозвратную черту. На полузаброшенных портовых складах набережной де ла Фосс, где пахло гнилой водой, мазутом и прелым зерном, время словно застревало в ржавых петлях. Сюда, в обход таможенных постов, все еще пришвартовывались со стороны Атлантики серые плоскодонные баржи, бесшумно гасившие огни в нантском тумане. В одном из этих кирпичных пакгаузов, заваленном тюками контрабанды, Хлоя раздобыла то, что должно было стать одновременно её маскировкой и её безмолвным манифестом. Она выменяла тяжелое алое платье и длинное, почти невесомое черное пальто у местного скупщика-мигранта, чьи глаза маслянисто блестели в полумраке подсобки. Взамен она, не дрогнув, отдала массивные золотые часы, улов трехдневной давности, когда её пальцы с ловкостью стянули с запястья захмелевшего туриста в сыром переулке неподалеку от фешенебельной площади Грален.

Платье было из дешёвой, суховатой и плотной ткани, почти лишенной благородного шелкового блеска, но на её бледном, истощенном теле оно сидело как влитое. Этот багровый лоскут смотрелся чувственным вызовом всей этой серой, высокомерной каменной архитектуре Нанта, веками застывавшей в своем консерватизме.

Грубые, тяжелые рабочие ботинки из дубленой воловьей кожи, пахнущие дегтем и машинной гарью Хлоя стащила из незапертой раздевалки ремонтного дока у Севр-Нантез, пока вечерняя смена докеров шумно заливала глотки дешевым пивом в баре на углу. Там же, в полутьме между металлическими шкафчиками, в карман её нового плаща перекочевал чужой засаленный смартфон со смотанными в тугой узел проводными наушниками. Это был идеальный реквизит: в глазах редких ночных патрулей одинокая девушка со светящимся экраном в руке мгновенно превращалась в безобидную студентку, растворяясь в безликом городском шуме.

Вернувшись в свое убежище, Хлоя затянула на правом бедре, прямо под струящимся подолом, жесткие кожаные ремни самодельной кобуры. Когда она сделала первый шаг по рассохшимся, скрипучим доскам своего чердака, леденящая сталь серебряного лезвия привычно, надежно и трезво скользнула по обнаженной коже ноги, возвращая разуму кристальную ясность. Пора было идти.

Она вышла на темные улицы ночного Нанта. Конец мая дышал обманчивым дневным теплом, но к полуночи от реки всегда поднимался ледяной, пронизывающий ветер, пахнущий солью и скорыми штормами. При быстром шаге полы черного пальто взлетали, обнажая резкие всполохи алого подола, словно рваный кровавый след, тянущийся за ней в темноте. Но этот риск был оправдан. Свободный крой дарил ей абсолютную свободу движений, позволяя правой руке в любую секунду беспрепятственно скользнуть под ткань, к бедру.

Она вставила в уши чужие наушники и разблокировала экран. Из динамиков, пробивая ночную глухоту, полился тягучий инди-рок, чьи тяжелые басы идеально синхронизировались с ритмом ее шагов. Подошвы тяжелых докерских ботинок бесшумно, скрадывая звуки, ступали по граниту. Расстегнутое пальто ловило ветер, вздымаясь за спиной как крылья огромной ночной птицы, пока Хлоя скользила бесплотной тенью вдоль набережных, огибая глухие заборы закрытых доков острова Нант и целенаправленно сворачивая в сторону погруженного во мрак, величественного бульвара Камбронн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.